

ЕКАТЕРИНА ТИХОНОВА

МЕНЯ ВИДЯТ
ПРИЗРАКИ

18+

Екатерина Тихонова

Меня видят призраки

<https://litres.ru/71787484>

SelfPub; 2026

Аннотация

<p>Пугающий триллер Меня видят призраки - это новая интерпретация традиционных якутских страшных рассказов. Он соединил в себе современные городские легенды, старинные поверья и древнюю якутскую хтонь.</p><p>Саина живет в маленьком городе на Дальнем Востоке. У нее часто бывают различные видения, она видит странные и пугающие ее вещи, но врачи и ее мама говорят, что она психически больна.</p><p>Устав бояться своих галлюцинаций Саина решает выяснить, что за девушка преследует ее в видениях, и каким образом во всем этом замешан отец, который погиб, когда она была еще ребенком. Ей предстоит узнать какие тайны скрывают суровая туманная зима, бесконечное количество снега и сонная жизнь, тихого города.</p>

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	55
Глава 8	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Екатерина Тихонова

Меня видят призраки

«Ийэ-куту аллараангны дьайдар уораллар эбэтэр сииллэр. Сиэммит ийэ-кут бэйэтин туругун кэлэр көлүөнэлэргэ биэр-эр кыахтаах. Онон эчэйии удьуор быһыытынан барар. Мантан көстөрүнэн киһи ийэ-кута икки күүскэ кубулуйар эбит. Айыы суолун бастыпыт дьоннор куттара айыы күүһүгэр кубулуйар, оттон дьайга туттарбыт дьон куттара дьай күүһүгэр кубулуйар. Дьайга кубулуйбут киһи бэйэтин эрэ өлөрөр буолбатах, уруу-хаан дьоннорун сиир күүскэ кубулуйар».

Айыы үөрэбэ

«Нечисть из Нижнего мира крадет или съедает мать-душу человека. Съеденная ими мать-душа может передать свое состояние будущим поколениям. Следовательно увечный недуг передается по наследству. Исходя из этого, считается, что мать-душа человека превращается в две разные силы. Души людей, следовавших вере Айыы, становятся силой Айыы, те чью душу украдо Зло, становятся нечистой силой, превращаются в Зло. Такой человек не только губит себя, но и превращается в силу, вредящую своим потомкам».

Учение Айыы

Пролог

Белое, бело-серое, бело-коричневое, бело-зеленое – нигде не осталось чистого, сочного цвета, все подпернуто белесой пеленой, высветлено снегом, инеем и туманом. Вездесущий белый цвет давит на глаза, режет, слепит, он как тьма скрывает рельеф и очертания предметов, сливая все в одну ослепительно-белоснежную хмарь.

Длинная, узкая дорога едва проглядывала сквозь плотный туман, настолько густой будто в стакан с водой щедро плеснули молока. Серый, вытянутый автомобиль уверенно рассекает морозный воздух, оставляя за собой призрачную дымку выхлопных газов, поблескивая красными задними фонарями. Серый сумеречный свет с трудом просачивается в машину сквозь окна, не освещая ничего в салоне. За руль с напряженным видом держится мужчина в дутом пуховике, слегка сковывающем движения, сзади сидит женщина в норковой шубе. В детском автокресле мирно спит ребенок.

– Я же тебе говорю, что в следующем году поедем отмечать новый год с твоими родителями, – в его голосе слышится сдерживаемая злость и немая мольба о примирении, но женщина, недослушав, перебивает:

– Мы третий раз уже едем к твои родителям на новогодние праздники! И ты каждый раз говоришь, что в следующем году к моим поедем! – она почти кричит, даже не пытаясь

сдержат раздражение. Ребенок в кресле продолжал мирно спать.

– Да, как ты не понимаешь, обстоятельства такие! Я что специально что-то каждый год придумываю? Дедушка сильно болеет, это, наверное, последний его новый год в кругу семьи! Я же тебе объяснял! – мужчина тоже повысил голос.

– У тебя в семье каждый год что-то случается!

Мужчина ничего не ответил, только крепче сжал руль автомобиля. «Надо было каждый по своим семьям разъехаться на праздники и все. Зачем вообще жену с сыном потащил с собой. Спокойно бы сам съездил» мрачно раздумывал он, бродя взглядом по поддернутому белой дымкой пейзажу, который заполнял собой все лобовое стекло.

Внезапно его взгляд натолкнулся на что-то странное. Вначале он подумал, что это столб, но подъехав ближе понял, что это был человек. Когда расстояние сократилось еще больше он разглядел девушку: скомканные темные волосы, в одной черной кофточке, на которой краснел цветок, голые ноги торчали из юбки, фиолетово-черные, босые ступни стояли на снегу. Он бросил взгляд на термометр на приборной панели: -54, по телу пробежали мурашки, его передернуло, когда он представил насколько ей может быть сейчас холодно. Он резко нажал по тормозам, машину занесло, и она проскользила несколько метров вперед.

– Что случилось? – раздался сзади встревоженный голос женщины и ее испуганное лицо показалось между сидений.

Мужчина молча выскочил на улицу и подбежал к обочине. Никого.

Он пробежал несколько метров вперед, заглянул в кювет, раскидал снег у ближайших сугробов.

Никого.

– Показалось что-то, – он сел в машину со странным выражением лица. В то же время что-то неправильное бросилось ему в глаза во всем внешнем облике девушки, но он никак не мог понять, что именно. Может это чья-то шутка? Сейчас же полно этих... Как их? Пранкеров! Сняли, наверное, на камеру, как он бегал по обочине, скоро люди над ним будут смеяться где-нибудь в группах мессенджера. Погруженный в собственные мысли он начал выезжать на дорогу, но случайно подрезал едущий сзади автобус, тот ответил ему долгим, гневным гудком.

– Блин! – мужчина прибавил газу. – Что за день сегодня такой... – он раздраженно почесал голову.

Женщина озадаченно поглядывала на мужчину. Она несколько раз пыталась узнать зачем он выходил на улицу, но с каждым разом получала ответ агрессивнее предыдущего. «Наверное, что-то сломалось. Лишь бы доехали, а то вдруг машина где-нибудь встанет...» думала она. Что будет, если машина сломается на таком сильном морозе и дальнем расстоянии от ближайшего населенного пункта она думать боялась.

Захныкал, проснувшись ребенок. С каждой минутой его

плач становился все громче. Он сучил маленькими ножками и размахивал ручками, иногда попадая по маминому лицу. Плач перешел в истерику, и женщина, расстегнув ремни безопасности пересадила малыша к себе на колени, еле удерживая маленькое, извивающееся тело, она попеременно пыталась всунуть ребенку в рот пустышку или бутылочку с молоком, но он все выплевывал и продолжал орать.

Мужчина мрачно смотрел на дорогу давя на педаль газа. Стрелка спидометра медленно ползла по цифрам. Автобус остался позади. Ребенок, уставший от истерики, монотонно хныкал, не прекращая. Совсем стемнело, но даже темное небо не было чистого черного цвета, оно угрожающе нависло над землей, подпернутое серым бельмом. Фары хаотично выхватывали черные силуэты голых кустов и деревьев, мир погрузился во тьму, не было видно даже стоящих поодаль сопки.

– Почему он орет? – крикнул мужчина, пытаясь перекрыть детский плач.

– Откуда я знаю! Он сухой, молоко пить не хочет! Может что-то заболело! – заорала она в ответ с трудом прижимая ребенка к себе.

– Так успокой его тогда!

– А я что делаю? Сам попробуй успокой, раз такой умный! – лицо женщины покраснело от крика и напряженной схватки в попытке удержать сопротивляющегося ребенка.

– Кто тогда будет вести? Ты что ли за руль сядешь? – про-

ревел мужчина обернувшись назад.

– Осторожно! – резко кричит женщина, указывая вперед на дорогу.

Луч фар слишком поздно выхватил силуэт, стоящий на дороге. Мелькнул красный цветок и темные волосы. Мужчина ударил педаль тормоза и вывернул руль. Машина слетела с дороги, с металлическим лязгом перевернулась два раза по кювету, взметнув снег в воздух, и застыла, стукнувшись об деревья.

Ехавший сзади автобус затормозил на обочине. Водитель автобуса, открыв дверцу, несколько секунд замороженно всматривался в лежащую на крыше машину. Очнувшись от оторопи, он суетливо побежал к ней, спотыкаясь и увязая в глубоком снегу.

Добравшись до перевернутой машины, водитель автобуса заглянул в окно с остатками стекла: со стороны водительского сиденья неподвижно лежал скомканный силуэт в пуховике, сзади на потолке салона, усыпанного крошечном стекла, лежала женщина, одна ее рука была неестественно вывернута за спину, другой она прижимает к себе что-то похожее на грудку одежды, из которой торчала белая ручка похожая на кукольную. Ее посеченное осколками лицо было окровавлено, она повернула его к нему и с безумным выражением прошептала:

– Это все из-за нее... Эта девушка... На дороге...

Глава 1

В нашем дворе шесть фонарей. Пятеро выпускают холодный, белый свет, пленкой кладут его туда, куда могут дотянуться, а шестой стоит в полутьме. Восемь метров серого металла, заканчиваются катарактовым зрачком и пахнут снегом. При взгляде на его промерзшее тело начинает ныть кончик языка и затекает шея.

Может быть, он устал и крепко спит? Или он уже умер? И его труп, сиамским близнецом связан кабелями с остальными его братьями и сестрами. И трупный яд уже распространился по единой кровеносной системе, потихоньку разливаясь по трубчатым телам, убивая один фонарь за другим.

– Саина, пошли, – мама уже поднялась по ступенькам подъезда и теперь смотрит на меня сверху вниз. Я пробралась между тесно стоящих, огромных, серых, бесформенных комков – машин, укрытых портативными гаражами, которые похожи на огромных ежей в тумане, в сумрачном, вечернем свете.

Во время обострений она забирает меня с работы и помогает по дому, а проще говоря, просто берет на себя все домашние обязанности. Но самое главное, для нее и для меня – следит за тем, чтобы я не пила.

С ней действительно легче и спокойнее. Галлюцинации не беспокоят так сильно, когда есть человек, который мо-

жет точно сказать мерещиться мне или нет. Я слышала, что в Америке есть специальные терапевтические собаки, которых дрессируют распознавать видения от действительности. В нашем маленьком, дальневосточном городе я и мечтать не могу о таких условиях, мне диагноз-то поставили спустя почти два года после дебюта.

Я иду, медленно переставляя ноги, из-за новых лекарств я стала немного заторможенной, надо бы попросить уменьшить дозировку. Невнятные цвета подъезда, мельтешение дверей и проемов. Лифт. Мы выходим на восьмом этаже. На темной лестнице мелькает силуэт, скрывшийся во тьме. Я смотрю на маму, но она деловито ищет в кармане ключи.

На кухне желтая лампочка двоится в темно-синем окне. За стеклом густая мгла, холодная и твердая, лежит на подушке оранжевого света уличных фонарей. Почти середина декабря, поэтому с подоконника нещадно дует, а на стекле по углам образовались белые наросты.

Я протискиваюсь в узкое пространство между обеденным столом и кухонным диванчиком. Люблю наблюдать за тем, как мама готовит, у нее это всегда точно выверенный процесс. По кухне расплылся теплый запах жареного лука, тихонько постукивает нож об деревянную доску.

В кухню заходит отец и садится рядом со мной. Он увлеченно рассказывает о том, как сегодня очередная машина вела себя очень странно и на огромной скорости проскочила пост ГАИ, на котором он дежурил. Я стараюсь не смотреть

в его сторону, но все же бросаю на него быстрый взгляд и в этот момент его лицо начинает стекать. Кожа обвисает и двигается вниз по его лицу, как воск с оплавленной свечи, а последняя фраза звучит как зажеванная пленка, перейдя в низкий, тревожный звук похожий на сигнализацию.

Я отворачиваюсь и закрываю глаза. Вдох раз, два, три, четыре, выдох раз, два, три, четыре.

Мне не нужно спрашивать у мамы галлюцинация это или нет, потому что я точно знаю, что папа умер, когда мне было четыре. Я четко помню, то черное, зимнее утро, когда услышала сквозь сон телефонный звонок и последовавший за ним отчаянные рыдания матери. Как я позже узнала из обрывков разговоров взрослых, с папой случился инсульт на дежурстве, но по трагической случайности и в нарушение правил, работал он в ту ночь один, поэтому никто не смог ему помочь, а к утру его замерзшее тело нашли возле поста ГАИ.

– Саина? Че молчишь? Пойдешь со мной в выходные на свадьбу? – мама прекрасно знает про мою не до конца купированную психотику и старается меня отвлечь разговором. Помогает слабо, но это лучше, чем погружаться в собственные галлюцинации, тем более что критика у меня к собственному состоянию очень слабая.

– Какую свадьбу? – я стараюсь сконцентрироваться на диалоге. Папа исчез.

– Твоей троюродной сестры Кюннэй. Она замуж выходит

за того парня, как его звали... А! Володя! Они же со школы встречаются, давно пора уже было жениться. Что за мода пошла у молодых, по десять лет жить перед браком? Не понимаю я этого... – она продолжает неспеша резать картошку, ее спина в пушистом свитере плавно покачивается в такт движениям.

– В декабре? Обычно летом свадьбы играют.

– Да, она беременная! Пятый месяц, скоро живот на нос полезет. Тетя Маша рассказывала, что она не хочет на свадьбе с животом появляться, – мама прихохатывает, как будто рассказала очень смешную шутку и отправляет нарезанную картошку в кастрюлю.

Она продолжает что-то говорить про свадьбу, но я уже не слушаю. В теле все отчетливее звучит отдаленное эхо застарелой, ноющей боли. Я запрятала ее так глубоко, что теперь даже не могу определить, где она. Мы с ней сроднились и теперь я не могу представить себя без нее, и если она внезапно пройдет, то это будет как выключить фоновый шум в комнате, где он звучал на протяжении долгого времени. Может я сама уже стала этой болью.

Глухое чувство одиночества подкатывает к горлу, ноет в груди и щиплет сердце. Из-за болезни у меня никогда не было серьезных отношений, довольно трудно изображать здорового человека, когда с тобой явно что-то не так.

– Ая-ай-яй! – мама ставит передо мной тарелку горячего супа, от которой поднимается пар. Она быстро отдергивает

от раскалённой тарелки пальцы и хватается за мочки ушей.
– Кушай, давай, пока горячий.

Она садится рядом, стол уже накрыт, а я даже не заметила, когда она успела это сделать? Аккуратной стопочкой лежит нарезанный продольными ломтиками белый хлеб, небольшой кусочек желтого сливочного масла в тарелочке и кроваво-красное брусничное варенье, настолько кислое, что при взгляде на него поджигается язык и выделяется слюна. Рядом стоят кружки чая с молоком. В глубине души ворочалось чувство вины. Мало того, что это я должна помогать маме, так я себя еще и веду, как беспомощный ребенок.

Мама стучит ложкой об чашку перемешивая сахар в чае. С тихим прихлупыванием делает глоток, ставит обратно и берет в руку ложку. В желтом бульоне плавают только вермишель, картошка и полупрозрачный лук. Жирный кусок говядины исходящий паром лежит перед ней на разделочной доске рядом с якутским ножом. Рядом на доске высится горочка соли, перемешанная с небольшим количеством черного молотого перца и нарезанный крупными кусочками репчатый лук.

Я осторожно прихлебываю суп, мой рот обжигает кипяток из-за этого я почти не чувствую вкуса. С каждой ложкой по моему телу разливается тоненькими струйками тепло. По маленькому телевизору на кухне идет какой-то русский сериал: большую часть экранного времени мужчины в военной форме бегают по лесу. На экране среди деревьев стоит де-

вушка, лица ее не видно за спутанными волосами, голые ноги выглядывающие из под юбки, тонут в траве, но я точно знаю, что они черные и босые. Пуговицы на ее кофточке застегнуты неправильно, а красная роза с левой стороны груди почти оторвана. Я поспешно отвожу взгляд и стараюсь не поднимать глаза от тарелки.

Зрительные галлюцинации преследуют меня сколько я себя помню, примерно лет с четырех. В детстве я их совсем не боялась, принимала их за обычных людей, разговаривала с ними и даже играла. Маме мое поведение казалось милой причудой, она думала, что я выдумываю себе воображаемых друзей или играю с чёчёккой¹. Обычно дети по мере взросления перерастали эти странности, а мне же наоборот становилось хуже. Так я и попала на лечение в стационар в первый раз с острым параноидальным психозом в тринадцать лет.

– Опять? – мама испуганно на меня смотрит.

– Угу, – я понимаю, что находится рядом с человеком в бреду это то еще удовольствие, но меня каждый раз раздражает ее реакция.

– Давай, посуду помоем, – она знала, что легче всего меня возвращают к реальности какие-то обыденные действия. Полилась вода, она засучив рукава свитера принялась так усердно тереть тарелки губкой, как будто от этого зависело мое выздоровление.

¹ Чёчёккэ (якт. Чечуеккэ) – якутский домовой в облике рыжеволосого, зеленоглазого ребенка небольшого роста, одетый в тряпье.

Я стояла рядом с полотенцем наготове. Чистые тарелки тихонько поскрипывали, когда я раскладывала их по местам. Лучше всего мне помогает не обсуждать глюки вслух и постараться сосредоточиться на каком-то деле. Мама продолжала рассказывать про родственников, которые соберутся на предстоящем мероприятии, объясняя кто есть кто и кем они мне приходятся.

Кладя очередную тарелку на место, я выглянула в окно. Там в оранжевом свете фонаря было отчетливо видно неподвижно стоящую девушку. Черная кофточка с красным цветом на груди и черные, босые ноги выглядят нелепо в это время года, когда люди носят пуховики. Но ее это не волновало. Ее вообще мало, что волновало, потому что она мертва.

Глава 2

Гена еще раз, со всей силы, пнул лежащего мальчика по животу. Тот слабо охнул, но продолжил лежать, закрыв голову руками. Дальше бить его было уже не интересно. Он огляделся в поисках других детей, но мало кому разрешали гулять так поздно, все остальные предпочли разбежаться кто куда, едва завидев идущего в сторону детской площадки Гену.

Пыльный двор на окраине города, зажатый между несколькими одинаковыми, серыми пятиэтажками, был абсолютно пуст. Нагретые днем поверхности медленно отдавали тепло в воздух, поэтому духота сохранялась даже поздним вечером. Серое небо, поддернутое розовой, закатной дымкой было светлым, как пасмурным днем. Гена не любил белые ночи, потому что они ассоциировались у него с пьянством отца, который приезжал летом с вахты и уходил в запой на весь отпуск.

Домой идти ему не хотелось, но в где-то в глубине души теплилась надежда, что может быть сегодня отец будет трезвым. Когда папа не пил это был добрый и веселый человек, который покупал ему мороженное, учил хапсагаю² и лепил ему фигурки животных из пластилина, но в пьяном состо-

² Хапсагай (якут. хапсаҕай – проворный, ловкий, хваткий) – якутское национальное единоборство, борьба.

нении это был абсолютно другой человек, который вел себя жестоко и мерзко.

Очень часто ему хотелось, чтобы у него был старший брат. Он частенько мечтал о том, как кто-то старше и сильнее его, мог бы защитить маму от отца, успокаивал бы ссорящихся родителей и устанавливал бы дома мир. Они бы ходили гулять вместе, он бы научил Гену рыбачить, плавать и кататься на велике, и ему не пришлось бы учиться всему этому самостоятельно, испытывая одиночество и стыд, опасаясь, как бы его не засмеяли пацаны во дворе.

Хотя, честно говоря, Гена был согласен даже на младшего братика или сестренку, лишь бы не быть одному. Пару лет назад, когда он сам был еще малышом, мама спрашивала у него кого он хочет братика или сестренку и какое имя ему больше нравится, а сама загадочно улыбалась, поглаживая немного округлившийся живот, но затем после очередной ссоры с отцом, ее на несколько дней увезли в больницу, а потом она вернулась сильно погрустневшая и больше не задавала ему таких вопросов.

Гена тихонько подошел к двери своей квартиры и прислушался. Из-за нее не раздавалось ни звука, поэтому надежда, на тихий вечер, разгорелась ярче. Он вошел внутрь и сразу же слегка огорчился: отца явно не было дома, но все равно оставался еще шанс, что он вернется сегодня трезвым. Гена заглянул в единственную комнату, которая служила и родительской спальней и гостиной одновременно, сам же Гена

спал на кухне, и увидел лежащую лицом к стене маму. Было непонятно спит она или нет, но он не стал проверять, а тихонько ушел на кухню.

В поисках еды он заглянул в холодильник, но там стояла только банка с засохшими остатками повидла, пустая масленка и полупустая банка квашеной капусты. Он сунул нос в кастрюлю, стоящую на плите, но она была чистая и пустая. В этот момент, возле двери раздались знакомые шаги, каждый раз они заставляли его врасплох и Гена, вздрогнув, начинал напряженно прислушиваться к звукам из коридора, задержав дыхание. В этот раз он разочарованно выдохнул – спустя несколько секунд стало понятно, что отец пьян. Причем очень сильно.

С громким стуком дверь распахнулась. Отец, шатаясь вошел в прихожую и сразу же что-то уронил. Не разуваясь, он прошагал на кухню, со скрипом отодвинул табуретку и уселся на нее едва не упав. Он уперся одной рукой в бедро, другой рукой облокотился об стол, но даже в такой позе его качало. Пустыми глазами он обшарил комнату и наткнулся на сжавшегося в комок Гену. Было видно, как он несколько секунд формулирует агрессивный выпад, забыв от опьянения нормальную речь.

– Где мама? – в пьяном состоянии у него менялся даже голос: вместо мягкого и тихого, становился громким и низким.

– В той комнате, – Гена кивнул головой в сторону. Ладони у него уже сразу же вспотели, а чувство голода заменила

тошнота, скрутившая живот.

– Опять спит что ли? Где еда? Почему опять нечего жрать? – отец пошел по коридору опираясь плечами об стены, с каждым шагом его голос становился все громче и злее.

Он тяжело опустился на разложенный диван, на котором все так же лежала мама, но теперь уже повернувшись спиной к стене. На ее лице не было абсолютно никаких эмоций, как будто ее не пугало поведение отца и для нее это было нормой, она просто молча за ним наблюдала. Отец неожиданно резким и ловким движением вцепился ей в волосы и подтащил к себе, она в ответ сделала резкий вдох, зажмурилась и ухватилась за его руку.

– Че сука молчишь? Отвечай! – проревел он ей в лицо.

Гена тихонько спрятался за дверной проем, из-за которого выглядывал, сердце стучало в горле, хотелось заплакать, но слез не было от страха. Он тихонько открыл шкаф, стараясь не скрипнуть и забрался внутрь, прикрыв за собой дверцы. Обычно он так сидел часами, чаще всего спал, потому что находится в реальном мире было невыносимо. Иногда проводя долгие часы взаперти, он представлял, что это его собственная комната, куда никто не может зайти, кроме него и в которой есть все, что пожелаешь: большая кровать, много игрушек и даже свой собственный телевизор, на котором всегда показывают мультики.

Он лег на стопку постельного белья свернувшись калачиком и прикрыл уши, но не полностью, чтобы услышать, если

к шкафу кто-то подойдет. Закрыв глаза, он мысленно представил, как они всей семьей идут в парк аттракционов: мама с папой улыбаются друг другу и Гене, покупают ему два стаканчика мороженого, и он катается на карусели, пока у него не закружится голова. Это было выдуманное воспоминание, потому что в парк его всегда водила одна мама, пока отец или пил или работал, и у нее всегда было из-за этого плохое настроение, поэтому Генина радость от похода в парк, сильно горчила от маминой кислой мины. Он не понимал почему мама остается с отцом, если она все время грустит и плачет. У половины ребят во дворе не было папы и их матери выглядели намного довольнее жизнью, чем его мама.

Гену заставил вздрогнуть звук удара. Он привстал на локте убрав руки от ушей. Раздался еще один полушлепок-полуудар, как будто отбивают мясо. Гена, не раздумывая выскочил из шкафа и побежал на шум.

На полу кухни лежала мама, ее черные волосы разметались по светло-коричневой плитке, она извивалась, корчилась и пыталась отвернуть голову, как можно дальше, но у нее ничего не получалось. Над ней навис отец, он успел раздеться до шорт и теперь его дряблое тело, с обвисшим животом прижимало маму к полу. Он занес кулак для очередного удара.

– Нет! Не надо! Пожалуйста! – Гена ухватился за кулак отца, всем весом потянув его к полу.

– Ты на кого прыгаешь? Мамку решил защищать? Шлюха

твоя мать! – он с легкостью отцепил от себя Гену и взяв его за грудки потряс перед своим лицом. От него пахло смесью водки и дешевых сигарет. – Все бабы шлюхи и суки! Бабы ничего не стоят!

Он с силой отшвырнул Гену так, что тот со всего размаху ударился затылком об холодильник. На секунду в глазах потемнело, он смог отползти под стол. Генино сознание распалось на множество отдельных друг от друга частей, которые он пытался собрать вместе. Отчаянно кружилась голова, глаза не могли сфокусироваться и к горлу волнами подступала тошнота.

Где-то далеко кто-то кричал. Гена не сразу узнал в истошных воплях мамин голос. Сидеть было невозможно, нестерпимо хотелось лечь, мир покачнулся и, внезапно, его правую щеку уже холодила напольная плитка. Лежа на полу и цепляясь за сознание, Гена увидел широко распахнутые, залитые кровью мамины глаза.

Над ней склонился отец, держа в руках окровавленный нож. Но что это..? На его темно-коричневой, загрубевшей от тяжелой работы на улице, руке, сверху лежала снежно-белая, небольшая женская кисть, будто бы направляя его. Гена поднялся взглядом по расшитому мехом и бисером рукаву, до высокого, так же богато украшенного головного убора и увидел красивый женский профиль, в этот момент женщина и отец синхронно повернули к нему злые лица, одинаково забрызганные кровью. «Разве папа не замечает, что у него на

спине сидит какая-то тетенька?» мелькнуло у Гены в голове, перед тем, как он окончательно потерял сознание.

Гена не помнил сколько он был в отключке. Когда он очнулся мамины глаза уже были полуприкрыты. Ее волосы намокли и свалились от крови, по всему телу и через прорези на халате виднелись небольшие ранки, внутри которых что-то желтело. Гена удивленно их разглядывал, недоумевая, как через такие небольшие дырочки могло вытечь столько крови. Он потряс маму за плечо.

– Мам. Мама! – Гена тряс ее все сильнее. – Вставай! Ранки же совсем маленькие! Я как в прошлый раз помогу тебе кровь убрать! Вот смотри мама! – он схватил первую попавшуюся тряпку и начал возюкать ею по луже крови. Она уже начала сворачиваться и подсыхать по краям темно-коричневыми хлопьями.

– Тише-тише, дай мамочке поспать, – послышался голос из коридора. В дверях показалась та самая незнакомая женщина.

Гена поднял голову и с удивлением оглядел ее, раньше он никогда таких не видел: черная, толстая коса, перекинутая через плечо, богато украшенная одежда, позвякивающие серебряные украшения – Гена видел такое только на Ысыахе³,

³ Ысыах (якут. Ыһыах) – якутский традиционный праздник лета, летнего солнцестояния, равноденствия. Представляет собой летний праздник в честь богов Айыы, возрождения природы и начала нового жизненного цикла, сопровождаемый обрядом молений, обильным угощением и кумысопитием, танцами, народными играми, конными скачками, соревнованиями мужчин в мас-рестлинге, ар-

но и те были намного беднее, того, что он только, что увидел.

– Пойдешь со мной? – женщина сверкнула белыми, как бисер зубами и протянула Гене руку.

Гена с отсутствующим выражением лица вытянул руку вперед и перешагнув тело матери взялся за протянутую, цвета парного молока, ладонь.

Глава 3

Короткий зимний световой день закончился сразу после обеда. Тусклый, серый свет посинел и превратился в розово-фиолетово-голубой, оттененный оранжевым цветом фонарей. Наступили январские морозы, время, когда можно передвигаться по улице только короткими перебежками от одного места, где можно погреться, до другого.

– Ну что Вася? Зачем просто так лежать, лучше пошли с нами погадаем! – в комнату после быстрого перестука заглянула короткостриженная, аккуратная голова Лены. Бойкая и веселая, она всегда умела собрать вокруг себя шумную компанию, зажечь всех единой идеей.

– Иду! – Вася, студент-второкурсник, до этого лежавший, закинув руки за голову энергично подскочил, будто подброшенный пружиной.

– От сессии до сессии, студенту живется вес-село! – прокричал ему в ухо однокурсник Миша, обогнав его в коридоре. Слишком сильно разбежавшись, он едва не уронил подставку для комнатных растений: листья жалобно вздрогнули, керамические горшки звякнули об металл.

– Мальчики, осторожнее! Не хватало еще, чтобы комендантша нас наругала, – из комнаты выглянула Сардаана.

Комната Лены и Сардааны была обуючена изо всех девичьи-студенческих сил: тут и там стояли ухоженные растения

в горшках, шторы в цветочек, внутри пахло домашней едой и мылом. Местами к обоям были пришпилены календарь с лошадьё, вырезки журналов и газет с изображениями знаменитостей и небольшие черно-белые фотографии. Между двух параллельно стоящих кроватей, был накрыт скромный стол: маслянисто-блестящая жареная картошка с луком, открытая банка шпрот и заварник чая с трещиной на крышечке. Ира и Маша из соседней комнаты принесли кулек карамелек «Раковые шейки». В присутствии шестерых энергичных, молодых людей еда надолго на столе не задержалась.

Когда остатки чаепития убрали со стола, Лена с хитрой улыбкой, вытащила из шкафа разрисованный кусок ватмана и разложила на столе. На нем аккуратным, девчачьим почерком был выведен кружком алфавит, цифры от 0 до 9, в углах надписи: «Здравствуйте», «Прощайте», «Да», «Нет». В самом центре был нарисован весело подмигивающий черт.

– Ну что ребята, готовы вызывать духов? – Лена достала свечку и небольшое, слегка выпуклое блюдо.

– Говорят, там где живешь гадать нельзя. Обычно в баню уходили или в заброшенный дом, – Вася во все это не верил, но сгустившаяся за окном тьма стряхнула пыль с давних суеверий.

– Да, серьезно, может не надо? Я слышала историю про людей, которые тоже гадали на блюде, вызвали духа, а он потом уходить не захотел и преследовал их, – неуверенно рассказала Маша.

– Ну наша общага вполне подходит под заброшенный дом, – рассмеялась Лена и чиркнула спичкой зажигая свечу. – Не бойся, Маша, это же все не всерьез.

– Кто будет ведущим? – спросил Вася.

– Я, конечно, – уверенно сказала Лена.

– Почему? Может я тоже хотел быть ведущим, – подразнил ее Вася.

– Потому что ведущим должен быть человек со способностями или близкий к этому, а у меня в роду дедушка был шаманом. Он даже от преследований скрывался, а когда его поймали обернулся черной собакой и сумел сбежать, – очень серьезно объяснила Лена. – Миша, выключи свет. Сядьте поближе к столу.

По комнате поплыл теплый запах горелой спички, одинокая свечка едва справлялась с тьмой, лица рассеявшихся возле стола студентов сразу потемнели и постарели. Лена занесла над свечой блюдечко и принялась его нагревать, делая круговые движения над пламенем. Белая эмаль фарфора быстро закоптилась черными узорами, положив блюдо на рисунок черта она с силой прижала его указательным пальцем как будто только этим удерживала его от побега.

– Быстро все кладем палец на блюдечко! – поторопила она замороженно наблюдавших за ней приятелей. – Ни в коем случае, чтобы ни случилось не убираете палец до конца гадания!

– А что будет, если я в туалет захочу? – фыркнул Миша.

– Фу, Миша! – толкнула его в бок Ира.

Все сгрудились вокруг небольшого стола, шесть указательных пальцев уткнулись в блюдечко. Несмотря на то, что деревянная рама окна была законопачена ватой и проклеена узкими полосками обоев, с нее все равно дышало холодом. То ли от едва уловимого сквозняка, то ли от дыхания студентов пламя свечи не прекращало волноваться.

– Вызываем дух Пушкина! Александр Сергеевич призывает вас! Почтите нас своим присутствием! Здравствуйте?! – громкий голос Лены наполнял темную тишину. Все замолчали напряженно вслушиваясь. Блюдце оставалось неподвижным.

– Что-то не отзывается, наверное, сейчас он нарасхват. Не мы же одни гадаем, – Миша ткнул в бок Иру, она толкнула его в ответ и захихикала.

– Ладно, кого тогда будем вызывать? – сдалась Лена.

– Может Толстого? Или Чехова? – неуверенно предложила Сардаана.

– Может якутских писателей? Давайте, Ойунского, – сказала Маша.

– Давай, это ты хорошо придумала, – все хором поддержали эту идею.

– Вызываем Платона Алексеевича Ойунского! Пожалуйста ответьте на наши вопросы Платон Алексеевич! Вы тут? – Лена старательно прислушивалась к ощущениям в пальце, стоящем на блюдечке, но оно было неподвижно.

– У меня уже палец устал, – пожаловался Миша. – Да, вра-
ные все эти гадания. Люди сами блюдечко двигают и потом
сочиняют страшные байки, что якобы с ними духи разгова-
ривали и блюдце бегало.

– Подождите, – Сардаана немного помолчала в нерешительности. – Может позовем моего брата старшего? Он умер
два года назад. Провалился под лед, весной на зимнике⁴, ко-
гда к родителям в деревню ехал, – она быстро опустила глаза
вниз.

Все замолчали. Сардаана была тихой и скрытной девуш-
кой, прилежно училась и всячески избегала шумные поси-
делки и компании, поэтому хоть все и жили в общежитии
уже второй год, но об ее семейной трагедии никто не знал до
этого момента.

– Конечно, Сардаана! Как его звали? – Лена первая нару-
шила тяжелое молчание.

– Егор. Алексеев Егор, – добавила она тихо.

– Егор, если ты нас слышишь, пожалуйста, ответь нам! –
Ленин голос слегка дрогнул.

Спустя несколько секунд, блюдце, с тихим шуршанием,
медленно поползло к слову «Здравствуйте». Все с удивлени-
ем переглянулись.

– Миша хватит! – раздраженно сказала Лена.

⁴ Зимник – сезонная «снежная» дорога, которую можно эксплуатировать толь-
ко при минусовой температуре. Она может проходить по замерзшим рекам, по
тундре или тайге, за ней специально ухаживают. В большинстве случаев это
единственная связь населённых пунктов с «большой землёй».

– Это не я, – тихо сказал Миша. – И не я, не я, точно не я, – повторили за ним остальные ребята. Лена обвела всех удивленным взглядом и откашлялась.

– Кто какой вопрос хочет задать?

– Когда я выйду замуж? – спросила Ира и округлила рот, когда в ту же секунду блюдечко поползло в сторону цифр «1», «9» и вернулось опять к «1». Путь блюдечка все сопровождали, шепотом озвучивая цифры, на которых оно останавливалось.

– В 191? Ты не слишком стара для замужества будешь? – Миша истерично рассмеялся.

– Дурак! Это же год! В 1991! – поправила его Лена. – Давайте дальше.

– Буду ли я отличником в следующем году? – спросил Миша. Блюдце резко дернулось к слову «Нет». – Ну и не надо, – разочарованно протянул он.

– Что за детские вопросы вы задаете? Сами, наверное, и двигаете блюдечко? – рассмеялся Вася, убрав палец с блюдца. – Давайте, интересный вопрос зададим: например, когда я умру?

– Нельзя спрашивать такие вопросы! – вскрикнула Лена.

В эту же секунду, запаянное бумагой и ватой окно с силой распахнулось, задув свечу и уронив ее на ватман. Шторы двумя длинными лапами взметнулись вверх и накрыли молодых людей. Кто-то истошно закричал. Послышался треск разломанного в щепки дерева и глухие звуки ударов.

Наконец зажегся свет.

Миша лежал на полу запутанный в шторе, сражаясь с беспощадно сорванным карнизом. Ира, Лена и Маша с бледными лицами втроем вжались в стену сидя на кровати. Вася с красным от напряжения лицом стоял у выключателя. Сардааны нигде не было видно.

– Куда делась Сардаана? – Вася потянулся к единственному шкафу в комнате в надежде найти ее там.

– Я тут, – голос Сардааны раздался откуда-то снизу. Из под кровати появилась ее худенькая рука, а затем она вся вылезла отряхиваясь от пыли.

В небольшой комнате моментально стало холодно от раскрытого нараспашку окна. Девочки бросились закрывать его и поднимать Мишу, одновременно ругая его за сломанный карниз. Миша стыдливо обещал все починить завтра. Все смущенно избегали смотреть друг другу в глаза, стесняясь своего испуга в момент, когда наступила темнота, как будто именно в эту секунду с каждого слетела маска и наружу проступило тщательно скрываемое истинное лицо.

– Смотрите, – Лена указывала на ватман, по которому растекался воск с опрокинутой свечи.

Все сгрудились над столом. На плотной бумаге растеклось восковое пятно странной формы, напоминающее осьминога, оно протянуло кривые, тонкие щупальца к буквам. Из них складывалось слово: «ЗИМОЙ».

Глава 4

Сырой сентябрьский день растекся по улицам, заполз в дома и души. Настя уже несколько раз пожалела, что не надела теплый свитер, потому что пальто из кождама висело на ее теле холодным куском клеенки, но она уже опаздывала на субботник и переодеться времени у нее не было. Вдали показалось строгое здание университета, и она прибавила шаг.

Торопливо пробежав гулкий, полупустой холл она поспешила в нужный лекторий. Большая часть группы уже была в сборе: самые трудолюбивые намывали окна, кто-то двигал парты, но в основном все сбились в кучу и просто бездельничали, смеясь и болтая. Настя остановилась у входа и стала высматривать свою подругу Валю. Они учились в параллельных классах одной школы, а после Настя с облегчением узнала, что они с Вале́й вместе поступили на исторический факультет местного университета.

– Ой, подвинься, пожалуйста! Ни пройти, ни проехать! – сзади раздался слегка писклявый голос и послышался удущающий аромат сладко-терпких духов. Мимо Насти проплыла худосочная девушка в короткой юбке и косухе, она сверкнула на нее глазами из под ярких теней и сразу же отвернулась, махнув заколкой-бантом на вспененных волосах.

– Привет, – откуда-то сбоку появилась Валя. На голове у нее была повязана косынка, а поверх одежды красовался

застиранный халат. – Поможешь мне окно домыть? – ее руки в закатанных рукавах уже покраснели от воды и холода.

– Привет, давай, – Настя сняла пальто и тоже закатала рукава. С открытого окна нещадно дул холодный ветер и мокрые руки моментально пропитались холодом до самых костей. – А что это за девушка? – она кивнула на девушку в кофте, которая стояла в центре компании, жуя жвачку и оглушительно хохоча над шутками парней.

– Эта? Это Тамарка, – судя по пренебрежению в голосе она явно Вале не нравилась. – Я с ней на подготовительные курсы ходила. Она придет, сядет на заднюю парту и давай тушью ресницы красить... Зачем ходила не понятно...

– Ну... Может она слушала? – Насте всегда хотелось видеть в людях только хорошее.

– Да, она еле как поступила на платное, по блату, папочка ее подсутил. Он директором четвертого магазина работает, ректор, наверное, теперь обеспечен годовым запасом колбасы, – усмехнулась она.

Вдруг из коридора раздался шум: топот ног, громкий смех и что-то выкрикивающие голоса. В лекторий залетели несколько молодых парней, двое догнали другого, навалились на него и все втроем, не удержавшись обрушились на сложенные у стены парты, с грохотом уронив несколько.

– Мальчики, ну что это такое! А ну-ка быстро поднимайте парты обратно! – расхохоталась Тамара и девочки, стоящие возле нее, захихикали.

– Да без проблем! – сказал симпатичный парень, завораживающим движением поправив иссиня-черные волосы, подстриженные в модные «шторки». Он аккуратно повесил на спинку стула ветровку и с легкостью принялся ставить парты обратно.

Настя поняла, что слишком долго на него смотрит и поспешно отвернулась, но продолжала бросать на него быстрые взгляды. Свитер с геометрическими узорами, ладно сидел на его атлетических плечах, подчеркивая спортивную фигуру. Его карие, почти черные глаза насмешливо глядели на всех, даже когда их обладатель был абсолютно серьезен. Тамара села на парту поближе к нему и положив ногу на ногу, стала смотреть на него плотоядным взглядом.

– Разве он в нашей группе учится? – спросила Настя у Вали стараясь не выдать своего интереса.

– Ну да, в нашей, он же был первого сентября, – подтвердила Валя. – Это же Рома, ты что его не помнишь? Его взяли, только, потому что он тустук⁵. Ездил за наш университет на соревнования недавно, поэтому несколько недель учебы пропустил.

– А ты откуда знаешь?

– У меня папа по молодости тоже борьбой занимался, теперь ни одного соревнования не пропускает, по телевизору его видела на местном канале, – она смахнула пот со лба отдуваясь и посмотрела на Настю. – Ой, ну все влюбилась! –

⁵ Якут. «Тустук» – «борец», спортсмен занимающийся борьбой.

рассмеялась Валя.

– Да, тихо ты! – шикнула на нее Настя. – Ни в кого я не влюбилась! Уже спросить нельзя что ли?

– Парень он, конечно, красивый, но за ним столько девок бегают, – Валя укоризненно покачала головой. – Нафиг эти красавчики вообще нужны! Бабники они все и козлы!

– Мне кажется он не такой, – Настя задумчиво натирала газетой стекло. – Он хороший.

К этому времени уже все были заняты делом, уборка шла полным ходом, только Тамара продолжала сидеть на парте, положив ногу на ногу и кокетливо дергая носком сапожки. К ней подошла староста с ведром и шваброй в руке и что-то тихо сказала.

– Фу! Не буду я полы мыть! – громко возмутилась она. – Пусть другие моют! Вот она например! – она направила указательный палец с длинным, красным ногтем прямо на Настю. – А у меня маникюр! Я даже дома ничего не мою, а вы хотите, чтобы я тут полы драила?!

– Почему я? – растерянно спросила Настя. – На субботнике же все должны что-то делать, а ты просто сидишь. Разве так можно?

– Мне можно! – уверенно сказала Тамара. – Тебе нельзя! Бери тряпку и начинай мыть пол! По тебе же видно, что ты дочка уборщицы или продавщицы, наверное, лучше всех знаешь, как это делать! – она вырвала у ошарашенной старосты ведро и тряпку и вплотную подошла к Насте протягивая

ей инвентарь для уборки.

– Да как ты смеешь? – Настю больно задела слова Тамары, которые, каким-то невероятным образом, попали точно в цель. Настина мама, проработав всю жизнь преподавателем математики в ВУЗе, вынуждена была уволиться. Весь последний год она работала продавщицей, потому что зарплата в продуктовом магазине была в два раза больше, чем на предыдущем месте работы и платили ее вовремя. Настя иногда слышала, как она жалуется папе о том, что очень сильно стесняется своего нового места работы и мечтает вернуться обратно к преподаванию, а он просил ее потерпеть еще немного, ведь его зарплату водителя опять задерживали.

Настя сделала шаг и вцепилась в взбитое облачко волос Тамары, изо всех сил потянула ее голову вниз пригибая к полу, та взвыла и схватилась в ответ за Настины волосы. Девушки покатились по полу, каждая, пытаясь вырвать пучок волос побольше у соперницы. Перед Настиными глазами крутились ножки стульев и парт, ноги одноклассников и бешеные глаза Тамары. Несколько девчачьих голосов кричали, чтобы их разняли, а кто-то из парней смеялся и подначивал продолжать.

Внезапно комната перестала крутиться, и Настя почувствовала себя маленьким котенком, которого подняли за шкурку и аккуратно поставили на пол придерживая руками. Тамара сама неловко поднялась с пола и попыталась пригладить волосы, которые свалились в некрасивый комок, закол-

ка-бант съехала на бок. Ее малиновая помада размазалась по лицу, делая ее похожей на клоуна. Настя обернулась и увидела, что ее держит Рома.

– Девчонки, вы чего? – он удивленно окинул их взглядом. – А вы чего просто так стоите не разнимаете? – сказал он остальным. – Ты не ушиблась? – спросил он у Насти с такой интонацией в голосе, от которой у нее внутри что-то разлилось теплом по груди.

– Она первая начала! – взвизгнула Тамара, тыча в Настю пальцем. – Вцепилась в мои волосы! Ты хоть знаешь сколько стоит моя «химка»? За каждую волосинку будешь мне должна! – выплюнув угрозу Тамара убежала, выпутывая на ходу заколку из волос.

– Она про маму мою сказала... – тихий Настин голос сорвался, и она заплакала, к ней тут же подбежала Валя, накинула ее пальто на плечи, сорвала косынку с головы и сунула ей ее вместо носового платка.

– Тише-тише... – Валя взяла Настю под руку и повела к выходу, на ходу огрызнувшись: – А вы че смотрите? Никогда не видели, как человек плачет? Пойдем домой, мы уже наубирались на сегодня, – Валя недоброжелательно покосилась на Рому, который поддерживал Настю с другой стороны: – Мы как-нибудь сами.

Настя готова была провалиться сквозь землю: устроила драку на глазах у всех, а самое стыдное – на глазах у Ромы, что за позор? Еще она, наверняка, сейчас просто ужасно вы-

глядит с растрепанными волосами и заплаканными глазами.

– Проводить тебя домой? – спросил он, наклонившись к Насте и проигнорировав Валу.

Внутри у Насти все подпрыгнуло от этого вопроса. Она умоляюще посмотрела на Валу.

– Ладно, пойду дальше убираться, – цокнула языком Валя и ушла оставив их вдвоем.

– Ну что пойдём? – Рома протянул свою ладонь Насте. Она на секунду опешила, но все же вложила свою ладошку в нее.

Впервые Настя пожалела, что живет, так близко от учебного корпуса. Идти до дома было всего минут пятнадцать максимум. Хотелось побыть с Ромой подольше, но в то же время держать его руку и разговаривать с ним было так волнительно. Они вышли на улицу и незаметно для Насти прошли полпути. Все это время она молчала, а Рома рассказывал все подряд: об учебе, о соревнованиях и о чужом городе, в котором он побывал.

– Вот, мой подъезд, – с сожалением сказала Настя.

– Так быстро пришли, – с досадой сказал Рома, не выпуская Настину руку. – Может еще чуть-чуть погуляем? Ты никуда не торопишься? – он с надеждой посмотрел на нее.

– Нет, то есть да... Ой... Никуда не тороплюсь и давай погуляем, – Настя от волнения запуталась в словах и покраснела.

– Отлично! – Рома не скрывал своей радости, он вооду-

шевленно продолжил болтать обо всем на свете, глупо шутя и пытаясь рассмешить Настю.

Сырой сентябрьский день казался уже не таким холодным, каким показался Насте всего несколько часов назад. Серые тучи на небе разошлись и показалось яркое, по-летнему припекающее солнце.

Глава 5

На кухне, зажатый между кухонным гарнитуром и угловым диваном, стоит обеденный стол. Массивный, раздвижной, рассчитанный на восемь персон он слишком большой для этой комнаты и уместиться за ним могут только трое. Я его так редко раскладываю, что каждый раз подолгу вспоминаю, как работает механизм.

Пузырчатая, принявшая форму стола скатерть, сползла до самого пола. Усеянная когда-то нежно-розовыми, а теперь выцветшими до желтизны цветами, местами прожженная до черных дыр, она кокетливо обнажает желтый, ламинированный угол. Из под скатерти выглядывает девственно гладкая поверхность с вандальными черными точками.

На самом краю, рискуя рухнуть в любой момент, стоят две тарелки: одна глубокая, наполненная до краев бежевыми бычками, при взгляде на вторую брови непроизвольно съезжались вместе, а голова отклонялась назад. Каким-то чудом на своем месте остались стоять солонка с перечницей и пустая подставка для салфеток. Возле резной, цельной ножки стола лежат упавшие бутылки, несколько столовых приборов и кружек. Среди всех этих разбросанных вещей сплю я.

Этот образ возник у меня в голове, когда я бросила случайный взгляд на новую тонюсенькую скатерть, которая была выбрана из соображений экономии и не могла скрыть про-

жженных черных кратеров на поверхности стола. Так выгляжу я и моя квартира, когда в период обострения за мной не присматривает мама.

Я пью, чтобы не было так страшно. Иногда бывает настолько невыносимо жутко, что все сливается в один сплошной, черный, липкий кошмар. Но в алкогольном опьянении страх куда-то пропадает, становится далеким и невнятным, как тихо бормочущий телевизор в соседней комнате. Можно сделать небольшое волевое усилие и просто его не замечать.

Я отвернулась к зеркалу и продолжила расчесывать мокрые волосы. Мама уехала сегодня утром, чтобы подготовиться у себя дома. Идти на свадьбу мне не хотелось, но там были люди. Среди них я особо не чувствую страха, остается только чувство одиночества.

«Арт маст би бьютифул, артист маст би бьютифул, арт маст би...» бессмысленно повторяла я про себя пока сушила волосы, наносила макияж и надевала заранее приготовленное с вечера платье. Оставалось еще десять минут до приезда мамы. Я прошла в сапожках, мягко поскрипывающих на линолиуме, до кровати и легла, свесив ноги.

В окно проникал серый, декабрьский день. На улице стоял густой туман, он одновременно скрадывал свет и светился сам по себе. За ним было почти не видно крышу соседнего дома, обросшую толстой шапкой снега. Как самоубийцы сбрасываются с высоты, если все крыши в нашем городе покрыты такими глубокими сугробами? Прыгают с балконов?

Или их воля к смерти настолько сильна, что они не отступают перед таким препятствием? «Для настоящей любви не существует препятствий», а для настоящей смерти?

Позвонила мама, сказала выходить.

На улице все выглядело нечетким, заблуренным из-за тумана. Перед тем, как сесть в такси я выдохнула облачко пара и сделала глубокий вдох свежего, морозного воздуха. В машине сильно пахло автомобильной вонючкой и курящим человеком. Я приоткрыла окно.

– Саина, закрой, продует сейчас тебя, холодно же, – мама неодобрительно поежилась, поплотнее запахивая шарф, выглядывающий из каракулевой шубы.

Я молча закрыла окно.

Как обычно мы приехали одними из первых. По бежево-белому банкетному залу слонялись такие же, как и мы дальние родственники и торопливыми перебежками передвигались официанты и организатор. Мама сразу же влилась в бурную беседу с незнакомыми мне людьми рассказав им поочередно новости про меня, про работу и про свое скачущее давление.

Опоздав на полчаса, приехали молодожены. Невеста в пышном, как торт, белом платье, с блестящим от толстого слоя тонального крема лицом и жених, с отсутствующим взглядом, прошли мимо вставших коридорчиком гостей, обильно посыпанные рисом и лепестками роз. Все расселись по местам. Я вытянула шею для того, чтобы рассмот-

реть усыпанный мусором пол, раздумывая, кто и как будет все это собирать.

Вы когда-нибудь наблюдали за тем, как едят современные люди? Жадно поглощают неудобоваримыми кусками еду, почти не пережевывая глотают, и не чувствуя вкуса берутся за другое блюдо. С таким видом, как будто это последнее доступное им удовольствие и единственная радость в жизни. При чем так они относятся не только к еде: алчно заглатывают и не останавливаясь бегут дальше, жуя на ходу.

Тамада что-то ревел в микрофон совсем, как раненый зверь, который пытается отвлечь охотника перед последним выстрелом. Всполохи цветомузыки зеленые, фиолетовые, красные шарили по просторному залу и белым скатертям, покрывавшим столы. Вспотевшие и покрасневшие от напряжения и неловкости, три женщины и один мужчина, в центре зала пытались всунуть карандаш, болтающийся на веревке у них между ног, в узкое горлышко бутылки, под хохот остального зала.

Я отодвинула тарелку с остатками майонезного салата и куском такой жесткой запеченной говядины, что ее можно было бы использовать как ручной эспандер, и встала из-за стола. Мама сидящая рядом была слишком увлечена беседой с двоюродной тетей и даже не заметила, как я направилась к выходу из зала. Из пустого, гулкого холла я вышла на улицу накинув сверху куртку.

На бетонных перилах широкой лестницы, несмотря на хо-

лод, в одиночестве сидел мужчина. Сползший капюшон, раскрытый пуховик и стоящая рядом с ним наполовину пустая бутылка водки, выдавали в нем откровенно пьяного человека. Когда он поднял голову и посмотрел на меня я узнала в нем дядю Алика. Вообще-то по возрасту у нас была небольшая разница, поэтому я его даже дядей не называла, но несмотря на это он всегда относился ко мне покровительственно, как старший брат.

– Саинушка! – крикнул он слишком громко для пустого двора и неловко махнул рукой подзывая меня. – Какие новости? Не звонишь, не пишешь, совсем про дядю Алика забыла, – сказал он, пародируя старших родственников, когда я подошла поближе.

– Перестань, Алик, – рассмеялась я. – Дай сигарету.

– Курить вообще-то вредно, – сказал он, доставая пачку из внутреннего кармана. – Ну что как тебе свадьба? Тоже, наверное, захотелось замуж выйти? Никого себе еще не присмотрела? – он хитро сверкнул блестящими глазами.

– Тебе разве не холодно? Ты бы лучше застегнулся, – я зажала в зубах сигарету, чтобы закрыть молнию на своем пуховике. – Это ты что ли все выпил? – я кивнула на бутылку водки.

– Чем больше выпьет комсомолец, тем меньше выпьет хулиган, – он отпил из горла и зажмурился, проглатывая алкоголь. – Дядя Вася, если бы жив был вообще из сапожка бы пил, он же его всегда в гости с собой приносил.

– Из сапожка?

– Ну сапожок такой, стеклянный или хрустальный, – он очертил руками что-то продолговатое, размером с большую рюмку.

– Аа, – в голове с трудом всплыло бледное воспоминание из детства: как папа, сидя во главе стола, накрытого в зале по случаю какого-то праздника, смеется и залпом выпивает наполненную «с горочкой» рюмку в виде сапога.

– Мама этот сапожок разбила. Не хотела, чтобы папа пил, – вспомнила я.

– Так он и не пил особо, – Алик вытащил сигарету и закурил. – Хороший был человек, жаль, что его нет с нами сейчас.

– Да, инсульт с кем угодно может внезапно случиться, – нехотя сказала я. Мне всегда было неловко говорить об отце, потому что я знаю его только с маминых рассказов и не совсем понимаю, что мне нужно отвечать на соболезнования и комментарии, которые просрочились на десятки лет.

– Ты думаешь, что он от инсульта умер? – Алик неловко стряхнул пепел себе на брюки и принялся смахивать его рукой.

– Ну не совсем. У него тромб оторвался, ему плохо стало, он на улицу вышел и там замерз, наверное, у него сознание помутилось или что-то вроде того. Мне мама так рассказывала, – неуверенно добавила я.

Алик немного помолчал, сразу как будто немного про-

трезвел и отпив еще немного из бутылки, откашлявшись сказал:

– Я думал ты уже знаешь. Мне же всего девять было, когда дядя Вася умер. Маленькому мне, ничего толком не рассказывали, умер и умер. Когда с учебы приехал уже стал во все взрослые разговоры вслушиваться, так и узнал, что дядя Вася оказывается странной смертью погиб, – он посмотрел мне в глаза. – Необычной.

– Необычной? – сигарета догорела у меня в руке обожгя мне пальцы. Я вздрогнула и выбросила окурочек в сторону.

– Не было инсульта. Говорят его убили. Он же в ночь перед смертью один дежурил, так вот кто-то приехал к нему на пост, избил и оставил его умирать в сугробе.

– Кому это надо было? Он же простой гаишник был, – недоуменно спросила я.

– Девяностые же были! Кого-то не того остановил и все, – он провел по щеке большим пальцем. – Людей тогда и за меньшее убивали.

Алик затянулся сигаретой и выпустил густую струю дыма, смешанного с паром от дыхания, она растаяла в воздухе слившись с белоснежным покровом снега.

Глава 6

В темный, широкий коридор серыми прямоугольниками падает лунный свет из окон. Пахнет холодной овсянкой и скисшим гороховым супом. Леха быстро и бесшумно крадется вдоль стены. Растянутая, когда-то белая майка болтается при каждом его движении, оголяя обтянутые кожей ребра. Множество слоев краски бугрится под его пальцами, которые местами спотыкаются об облупленные участки.

На углу он встретился с Зазулей и Шмыгой, который получил свое прозвище из-за сопливого носа. И не то, чтобы у других детей не было вечного насморка, из-за стылого здания, в котором находился спец-интернат, экономивший на отоплении, просто ничего обиднее они придумать не смогли. Над Зазулей даже думать не стали, звали по фамилии, потому что она была смешной сама по себе.

Мерзнуть в холодном коридоре, когда можно было отлеживать бока под теплым, шерстяным одеялом никому из них не хотелось, но по пацанским понятиям нужно было обязательно «преподать урок» Уське, который стуканул на них воспитке, сказав, что они отлынивают от уборки, заставляя мыть полы новеньких и помоек. Сам Уська был новеньким, если Леха спустит ему с рук этот косяк, то за ним закрепится репутация лоха, а там уже и до помойки опуститься не далеко.

Они молча переглянулись друг с другом и подошли к двери. Зазуля схватился за изогнутую ручку, Леха со Шмыгой приготовились. По едва заметному кивку Лехи Зазуля распахнул дверь. Вдоль обшарпанных стен теснились двухэтажные кровати с металлическими изголовьями. Они втроем забежали внутрь и бросились к одной из кровати. Шмыга быстрым движением сорвал шерстяное одеяло, с отверстием в виде ромбика на пододеяльнике, затем набросил его на голову сонного моргающего мальчика, и крепко обхватил его шею двумя руками, навалившись всем телом.

Леха и Зазуля замолотили тощими кулаками. Мальчик с одеялом на голове извивался, отбрыкивался, глухо кричал. Остальные дети лежали, посверкивая глазами в темноте. Никто, никому не помогал.

По какому-то единому порыву все трое резко отпустили избитого мальчика и бросились из комнаты. Он остервенело, не с первого раза, выпутался из одеяла. В лунном свете его блестело от слез и соплей.

– Суки! Сволочи! – заорал он хриплым голосом вслед убегающим пацанам.

Где-то вдалеке зашумели шаги, донеслось позвякивание ключей, но мальчики уже разбежались по своим комнатам. Леха накрылся одеялом и едва успел повернуться на бок, когда в комнату заглянул настырный луч фонарика. Он мазнул по Лехиному плечу, задержался на его, спящем с открытым ртом, соседе и проскакав по комнате скрылся за дверью. Ле-

ха расслабился, улегся поудобнее и постепенно провалился в сон без сновидений.

Утром досталось всем.

Вместо завтрака заставили бегать по спортивной площадке, пока кто-то не сознается или не укажет на виновников, но все молчали. Даже те, кто все видел. Грязь на площадке за ночь замерзла в камень, бугристая и колдобистая она не давала наступить, а спихивала и скручивала ступню. Слишком свежий осенний воздух жег горло и резал легкие так, что было невозможно дышать.

– Круто мы его вчера, – задыхающийся Зазуля подбежал к Лехе, тот молча кивнул, не желая расходовать дыхание на ответ. – Будет знать, как стучачить.

– Говорят, после обеда новенького привезут, – продолжил Зазуля, приняв Лехино молчание за приглашение к продолжению разговора. – У него батя мамку убил. Прямо у него на глазах. Поэтому он головой поехал, а когда его тетка под опеку взяла напал на нее с ножом. Она очканула и запихнула его сюда. Наверное, по батиным стопам решил пойти.

– А ты откуда знаешь? – покосился на него Леха.

– Подслушал у воспитателей, – простодушно признался он.

Зазулина информация была слегка неточной. Новенький появился уже на обеде. Он изо всех сил старался не озиаться и только настороженно косился по сторонам. Худой, со свежей нулевкой и челочкой на голове он выглядел младше

остальных парней. Все избегали на него смотреть, потому что он напоминал им самих себя в первый день, и от этого становилось до слез жалко его и себя, а плакать было нельзя. Напряженный и натянутый, он низко склонил над столом, неровно обстриженную голову, уставившись в свою алюминиевую тарелку, наполненную полупустым бульоном, но не ел, пока все грохотали ложками. После обеда все поплелись на уроки.

Леха с удивлением увидел его в своем классе. Тот сидел на одной из последних парт и смотрел в окно, рядом с ним сел Пятка – изгой, с которым старались не общаться, не сидеть рядом и не курить после него сигареты. Леха сел на свое обычное место. Урок прошел как обычно, а на перемене жирный парень по прозвищу Свин решил подоставать новенького, из возникшей сиюминутной неприязни или просто от скуки, а может быть от того, что тот сидел рядом с Пяткой. Улучив удобный момент, он сбросил под ноги новенькому свой учебник, тот едва не споткнулся об него, но в последний момент молча перешагнул его.

– Опачки! Ты че не видишь куда прешь? – заорал он на весь класс обнажая полусгнившие передние зубы. – Ты мне учебник испортил! Гони деньги на новый!

Новенький молча обернулся. Он хмуро смотрел на орущего женоподобным голосом Свина и ничего не отвечал.

– Ты че оглох? Я говорю, гони бабки! – прокричал ему прямо в ухо Свин.

И в этот момент новенький схватил его за шею и резко потянул вниз. Свин от неожиданности рухнул на колени, но затем сориентировался и вытянув руку потянул на себя ногу новенького заставив его упасть. Свин навалился на него всей массой и стал наносить удары. Вокруг собралась толпа.

– Э! Че за кипиш! – заорал Леха сбив Свина с новенького. Они покатались живым клубком и врезались в парты с шумом их сдвинув. Зазуля со Шмыгой переглянулись, но остались стоять. Леха оседлал Свина и нажал ему на глаза изо всех сил, пока тот не взвыл.

– А ну-ка разошлись! – крикнул из-за спин громогласный голос учителя.

Вскоре Леха и новенький сидели на скамейке перед приемной кабинета директора. Свина вместе с ними не было, его отвели в медпункт из-за того, что тот рассек до крови кожу на лбу, приложившись об угол парты. «Кровищи-то было» удовлетворенно подумал про себя Леха. Новенький продолжал сидеть, напряженно уставившись в одну точку.

– Ты бы с Пяткой не садился больше. Он же помойка, а кто помойка, тот воняет, кто воняет, тот у параша спит, а кто у параша спит, тот зашкваренный, – хрипло рассмеялся Леха. – Ты в первый раз в спец-интернат попал? – Леха выждав, чтобы получить ответ, принял молчание за согласие. – Ты же теперь в коллективе жить будешь, нужно правила знать: вот, я за тебя щекотнулся сегодня со Свином, а потом ты за меня кого-то щекотнешь, потому что если один

будешь ты просто пропадешь здесь... – он спокойно разъяснял внутреннюю иерархию, царившую среди воспитанников спец-интерната, полностью скопированную с зэковских понятий. После того, как он рассказал все, что знает, повисла тишина.

– У меня тоже папка маму убил. Зарезал ее в кровати и сбежал. Я утром проснулся пошел маму будить, а она не просыпается. Я тогда совсем малой был, не понимал, что она умерла. Сейчас бы понял, а тогда... У нее глаза были полуоткрыты и не моргала она, ну кто же из живых так спит? Вот я дурак, да? – грустно усмехнулся Леха.

Новенький все еще не реагировал.

– Я знал, что надо сначала взрослым позвонить, а потом уже они сами в милицию, но почему-то все номера забыл. Бабушкин, тетин... Я их наизусть помнил, а в тот момент забыл... И до сих пор не могу вспомнить. Наверное, испугался. Мне же тогда всего шесть было. Сейчас бы я не испугался, – Леха провел по стриженной голове рукой. – У нас на телефоне были наклеены номера скорой, милиции и пожарников. Мама клеила. И вот я и позвонил пожарникам. Говорю мама не просыпается, а они мальчик не шути так и трубку бросили. Вот я тупой да? Почему именно пожарникам? Наверное, думал, что скорая приезжает к больным, а милиция только если кого-то ограбят, а пожарники они же котят с деревьев снимают, поэтому думал, наверное, что и маму разбудят.

– Я тоже сначала подумал, что мама спит, – осипшим от

долгого молчания голосом сказал новенький.

– Это правда, что ты свою тетку зарезать пытался? – спросил Леха, потому что Гена опять замолчал.

Гена ничего не ответил. Про женщину, которую он видел в день убийства матери он попытался рассказать тете, но она отвела его к врачу в самую настоящую психушку, сказав, что это были глюки от нервного потрясения. Врач в психушке задавал странные вопросы, а все, кого они встретили в той больнице вели себя чудно: один мальчик слизывал пыль, другой рассказывал о каком-то самолете и перечислял его детали, а одна девочка даже начала суетливо стягивать с себя одежду, как только ее мама отвернулась для разговора с женщиной в регистратуре.

Но Гена знал, что это были не глюки, потому что эта женщина приходила потом еще много раз. Вернее, она просто выглядела, как женщина, но точно ею не была, как и не была человеком. Гена не мог понять, что она такое, но с каждым разом боялся ее все больше и больше. Обычно она появлялась в гостиной тетиной квартиры, в которой он спал на раскладном диване и начинала неразборчиво нашептывать ему всякие слова. Вначале казалось, что она его жалеет, но потом предложения потеряли человеческий вид, стали непонятными и перемежались откровенными гадостями о нем, о маме, и о том, что он должен сделать с тетей, об этом даже не хотелось вспоминать.

Обычно он лежал, стиснув зубы и зажмурившись, пока от

бессилия не забывался беспокойным сном. В какой-то момент он в отчаянии стащил кухонный нож и спрятал его под подушку. Она, конечно же, это почувствовала и подставила его. Заморочила ему голову, а когда он вытащил нож оказалось, что это тетка подошла к нему поправить сползшее во сне одеяло, а он по ошибке набросился на нее с ножом. Хорошо, хоть не убил. Вот так Гена и оказался в специнтернате.

– Давай Свина потом отмутузим в ванной. Обычно с нами туда воспитки не ходят, а то если они спалют, опять будем по площадке круги наматывать.

– Давай, – Гене эта идея понравилась.

– Леха, – он протянул руку для рукопожатия.

– Гена, – пожал ее новенький.

Глава 7

Одинокое, двухэтажное строение, белое с широкой синей полосой посередине, окруженное силуэтами безжизненных, невысоких деревьев и бесконечными сугробами, стоит на краю города, хотя кажется, что на другой планете. Огромное пространство сокращено до небольшого пятачка, светом одинокого фонаря, и только вдалеке поблескивают огоньки города. Идет мелкий-мелкий снежок, почти пыль, аккуратно укрывший все недостатки и огрехи ландшафта.

На втором этаже крохотного поста ГАИ было нестерпимо холодно. Казалось, все вокруг излучает холод, а раскаленный электрический обогреватель стоит просто для красоты. Василий в очередной раз поставил греться на газовую горелку чайник. Бегать всю ночь в уличный туалет, стоящий в десятке метров, не хотелось, но от холода уже сводило мышцы. От широкого окна во всю стену, тянуло ледяным сквозняком, казалось темнота заползает внутрь с улицы.

«Сейчас бы дома спать лечь» мечтал Василий, вновь и вновь мысленно прокручивая момент, когда ложишься в знакомую постель, которая медленно нагревается от тепла твоего тела, переворачиваешься на бок, укладываешь подушку поудобнее и натягиваешь одеяло повыше, чувствуя, как постепенно расслабляются напряженные мышцы, а сознание блаженно соскальзывает в темное небытие. Он клюнул но-

сом, чуть не уснув и ословелым взглядом посмотрел на за- свистевший чайник.

Вместе с паром от кружки поднимался запах дешевого, но крепко заваренного черного чая. Негромко играющее радио, детектив в мягкой, растрепанной обложке и печенье – и вот уже ночное дежурство не казалось таким унылым. Горячий чай в желудке немного согрел озябшего Василия. Уютно нахохлившись, он опять заклевал носом над пожелтевшими страницами.

Задремать ему не дал слабый стук за дверью. Он пару секунд вслушивался в тишину, пытаясь понять, реален ли звук, выдернувший его из дремы. Стук стал настойчивее, кто-то за дверью уже пытался открыть ее, сначала слабо, затем сильнее.

Василий вдруг снова ощутил себя маленьким мальчиком, лежащим под жарким одеялом, потому что в сумерках ему померещился страшный силуэт. Щемящее чувство страха заставило его на секунду забыть, что он уже давно вырос, а привидений не существует.

Дверь резко распахнулась, внутрь ворвался небольшой вихрь, закрутивший снежную пыль. Шумно отряхиваясь и топая ногами, чтобы сбросить снег с валенок в комнатушку зашел коллега Степан.

– Холодно, блин! Опять эта дверь заедает, надо с ней что-то сделать! Все, твоя очередь. Чую не выполним мы план сегодня, – он с силой потер покрасневшие руки и подул на них.

– Чайник горячий, – сказал Василий. – Не ссы, сейчас все поедут по домам с гулянок, наберем полную авоську аошников⁶, – он потянулся и зевнул.

Выходить на мороз из тепла не хотелось. Василий не спеша надел на себя вязаный шерстяной жилет, обмотался колючим шарфом и основательно застегнул все пуговицы на сером форменном пальто, не предназначенном для суровой якутской зимы, как можно сильнее натянул ушанку с перевязанными назад ушами, чтобы не отморозить свои.

Он вышел на высокое крыльцо и взглянул на улицу, длинный световой след от дверного проема протянулся по свежесвыпавшему, едва тронутому снегу. Дыхание перехватило от первого глотка ледяного воздуха, Василий поспешно развернулся и плотно прикрыл за собой дверь, не давая теплему воздуху выветриться из маленького помещения.

Под ногами закрипел легкий, рыхлый снежок, как будто кто-то дунул на огромный ледяной одуванчик, и он покрыл все вокруг ровным слоем своего пуха. Абсолютно пустая дорога, на две полосы, расходилась в противоположные стороны, скрываясь за темным горизонтом. Василий выдохнул густой пар изо рта и проводил его вверх взглядом.

Вдалеке послышался звук мотора. По морозному воздуху звуки разносятся далеко, поэтому автомобиль показался не скоро. Вскоре из темноты выскочил «Москвич», при тусклом свете луны машина казалась кроваво-красной, она

⁶ В алкогольном опьянении

быстро приближалась к посту ГАИ. Василий отсчитал количество секунд на контрольном участке дороги и мысленно присвистнул – водитель ехал с огромным превышением скорости.

Он махнул жезлом и попытался рассмотреть лицо одинокого водителя, но автомобиль пронесся мимо него не снижая скорости, обдав его снежной пылью. Василий побежал за машиной, старательно запоминая номер, но в этот момент она, немного отъехав, сделала пару маневров и окончательно потеряв управление слетела с дороги в сугроб, взметнув в разные стороны фейерверк из снега.

Василий остолбенело наблюдавший за всем происходящим, бросился к неподвижной машине. Он осторожно ступил в сугроб, почти сразу провалившись выше колена и побрел к двери со стороны водителя. Внутри на руле лежал мужчина, больше внутри никого не было. Василий подергал дверцы, но ни одна из них не поддавалась. Голая кожа рук неприятно обжигалась при касании к ледяному металлу, поэтому он надел рукавицы и попробовал еще раз. Оглянувшись в отчаянии, и увидел бегущего к нему коллегу Степана, на ходу натягивающего пальто.

– Неси лом! Руками не открыть! – крикнул ему Василий, махая рукой, чтобы тот шел назад, тот сразу же развернулся обратно.

Когда дверь удалось открыть, водитель уже начал приходить в себя, вдвоем они доволокли его до поста ГАИ. С тру-

дом подняли по лестнице и усадили на стул возле рабочего стола. При свете желтой лампочки наконец стал виден бледный, худощавый мужчина в дубленке, сжимающий одной рукой ондатровую шапку, а другой прижимающий кусок ваты к разбитому носу, среди вспотевших под шапкой волос блестя капельки крови, стекающие за ухо.

– Куда летел летчик? – спросил Степан.

– Там девушка в машине, – мужчина дернулся встать со стула, но две пары рук удержали его на месте. – Не приводите ее сюда. С ней что-то не так, – он выгнул шею, чтобы выглянуть в окно, но с этого ракурса машину не было видно.

– Нету там никого, че ты чешешь. Развести нас хочешь? – усмехнулся Степан.

– Была! Я ее недалеко отсюда подобрал, – мужчина немного замялся. – Только она какая-то странная...

– Че ты несешь? Ты че пьяный? А ну-ка дыхни! – Степан привстал, приблизив лицо к водителю.

– Да я совсем немного... Так... Для настроения... – мужчина отшатнулся, стукнувшись затылком об стену. Степан молча продолжал приближать лицо, пока не учуял отчетливый запах спиртного из его рта.

– Оформляй его, – Степан мотнул головой Василию. – Я пойду посмотрю, может он кого сбил по пути или она из машины вылетела.

Василий принялся заполнять протокол.

– Я вам честно говорю про девушку! Я обычно никого не

подбираю, но она была только в кофточке и юбке! Босиком! Без куртки, без шубы! Я и подумал – ограбили, наверное, надо помочь! Сейчас же много бывает таких случаев: отберут шапку или шубу, заберут все ценное и поминай как звали. У меня, у самого, шапку срывали уже два раза на улице, – мужчина говорил полупшепотом, как будто Степан мог его услышать. – Только вот с ней явно было что-то не так...

– Что? – на автомате спросил Василий, почти не слушая собеседника, продолжая заполнять бумаги.

– Я думал, что она сядет в машину начнет кричать или плакать, а она ни словечка, ни проронила. Села, дверь закрыла и сидит. Я повернулся и тогда увидел... Что у нее все лицо сплошной синяк, один глаз не открывается, нос разбит, короче, страшно смотреть, – он сглотнул слюну. – Я спросил, что случилось и куда ее отвезти, а она посмотрела на меня таким взглядом... Я этот взгляд никогда в жизни теперь не забуду...

– Так что она сказала-то? – нетерпеливо спросил Василий.

– Она сказала, что хочет домой. Мне стало не по себе, и я поехал. Подумал оставлю ее у ближайшего отдела милиции, пускай они там с ней разбираются... И вот мы едем, а она сзади меня начала обнимать... И лицом ко мне вплотную... Только тогда я увидел, что у нее руки полностью черные, обмороженные, такими уже нельзя шевелить, а она шевелила... И сжимала меня все крепче и крепче, так девушка сжать не может, да, что там девушка, не каждый мужчина

так сожмет... А я как замороженный сидел, не мог пошевелиться... Дальше уже не помню, как с дороги слетел...

Потопав по лестнице валенками, в помещение вошел Степан.

– Нету там никого. Только зря, по сугробам лазил. У него белка, – сказал он обращаясь к Василию.

– Это не белка, – Василий уже давно понял о какой девушке говорил водитель.

Глава 8

На ужин мама приготовила жареные окорочка с рисом. На кухне стоял крепкий запах жареной курицы, шумела вода и постукивали приборы. Настина мама в стеганом халате, со все еще подведенными черным карандашом глазами, но уже без помады, ходила по маленькой кухне от плиты до стола. Настя, задумчиво мурлыча себе под нос незатейливую мелодию, расставляла посуду и приборы на столе.

– Ты чего такая радостная сегодня? – мама с удивлением покосилась на нее. Сегодня вечером Настя напоминала светлячка, который летал по квартире освещая все вокруг себя теплым светом.

– Да, так просто... Погода сегодня такая хорошая была, солнышко выглянуло, – она мечтательно вздохнула.

– М-м... – мама пытливо посмотрела на дочь, пока та не видела.

В дверь постучали, Настя сразу же, узнав папу по манере стучать, побежала открывать. В прихожую вошел невысокий, полноватый мужчина, держа под мышкой хлеб. Он протянул буханку Насте и ткнувшись носом в ее щеку вдохнул ее запах⁷, при этом его коричневое лицо, казалось стало еще

⁷ Якутский поцелуй – Эскимосский поцелуй в современной западной культуре – действие, напоминающее традиционное эскимосское приветствие кунику. Кунику – форма выражения привязанности, обычно между членами одной семьи

темнее на фоне белоснежной кожи дочери. От папы пахло смесью солярки и одеколona, которым он щедро обливался после бритья, так как сам почти не слышал запахов из-за курения.

Сняв ботинки, он сразу же скрылся в ванной. Настя села на свое место за столом раньше всех и задумчиво облокотившись, положила лицо на ладони. Папа подошел к маме, которая резала хлеб и осторожно приобняв ее сзади, поцеловал в щеку.

– Уже можно кушать, да? – спросил отец, почесывая голое плечо, сняв свитер и оставшись в одной майке.

– Ага, садись, сейчас чай тебе налью.

– Ух ты, какая красота, – папа вдохнул аромат над тарелкой и терпеливо стал ждать пока мама тоже сядет за стол.

Настю всегда умиляло видеть трогательную заботу родителей друг о друге. Их тихие, уютные разговоры, маленькие знаки внимания и мысли друг о друге даже, когда они были не вместе. По мере взросления она понимала, что это большая редкость и ей сильно повезло увидеть такие теплые отношения родителей. Она мечтала, что, однажды, ее супружеская жизнь будет такой же: спокойной, размеренной и наполненной любовью.

или влюбленными. Один из участвующих прижимает нос и верхнюю губу к коже (обычно лбу или щекам) второго и вдыхает воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.